

Мовознавство

УДК 81'1: 811.161.1

DOI: 10.26565/2227-1864-2020-85-07

Изоморфизм номинативных моделей абстрактных субстантивов душевного и физического состояний

Илона Владимировна Заманова

*магистр, иностранный специалист факультета русского языка
Института иностранных языков Чжэнчжоуского педагогического университета
(улица Инцай, 6, Чжэнчжоу, пров. Хэнань, Китай, 45044);
e-mail: lizhecu@163.com*

Изоморфизм номинативных моделей абстрактных субстантивов душевного и физического состояний

В статье автор проводит исследование изоморфизма номинативных моделей полей *духовного состояния* и *физического состояния*, отмечая, что изоморфизм проявляется на всех языковых уровнях. Наличие в поле *духовного состояния* значительного количества лексем со стертой внутренней формой, которая связывает номинацию поля *духовного состояния* человека с физическим состоянием предметов, а также наличие фразеологизированных сочетаний, типа *горячность природы*, один из членов которых является также и признаком физического предмета, показывает, что явление данного изоморфизма было свойственно языку на протяжении длительного периода исторического развития. Синтаксические дериваты со значением *духовного состояния* образуются от глаголов, номинирующих физические состояния и процессы. Изоморфизм номинативных моделей *духовного* и *физического состояний* связан с явлением языковой экономии. Согласно наблюдениям, язык, если это возможно, стремится к минимализации форм при богатстве значений; при номинации *духовного состояния* избранной формой выступили модели описания видимого и осязаемого всеми людьми вещного мира, предпосылкой чего послужила такая особенность человеческого восприятия как синестезия. Изоморфизм номинирования *духовного* и *физического состояния* в значительной мере способствовал объективации и персонификации абстрактных понятий, что может влиять на сознание говорящих и на характер концептуализации *духовного состояния*. В статье также отмечается, что активным процессом в современном языке является расширение семантики абстрактных субстантивов и увеличение количества отвлеченных понятий, за счет чего также может пополняться поле *духовного состояния* человека. Абстрактность и отвлеченность разграничиваются автором. Отвлеченность формируется на основе многозначности, главным признаком отвлеченного понятия является расширение семной структуры и формирование нового семантического ядра, отличного от производящей базы. В статье приводятся примеры расширения семантики абстрактными субстантивами.
Ключевые слова: абстрактные субстантивы, изоморфизм моделей, лексическое поле *душевного состояния*, метафора

Заманова І. В. Ізоморфізм номінативних моделей абстрактних субстантивів душевного і фізичного станів

У статті автор проводить дослідження ізоморфізму номінативних моделей полів *духовного стану* і *фізичного стану*, зазначає, що ізоморфізм проявляється на всіх мовних рівнях. Наявність в полі *духовного стану* значної кількості лексем зі стертою внутрішньою формою, яка пов'язує номінацію поля *духовного стану* людини з фізичним станом предметів, а також наявність фразеологізованих поєднань, типу *гарячість природи*, один з членів яких є також і ознакою фізичного предмета, показує, що явище даного ізоморфізму було властиво мові протягом тривалого періоду історичного розвитку. Синтаксичні деривати зі значенням *духовного стану* утворюються від дієслів, що номінують фізичні стани і процеси. Ізоморфізм номінативних моделей *духовного* і *фізичного станів* пов'язаний з явищем мовної економії. Згідно зі спостереженнями, мова, якщо це можливо, прагне до мінімалізації форм при багатстві значень; при номінації *духовного стану* обраною формою виступили моделі опису видимого і відчутного всіма людьми речового світу, передумовою чого послужила така особливість людського сприйняття як синестезія. Ізоморфізм номінування *духовного* і *фізичного стану* значною мірою сприяв об'єктиватії та персоніфікації абстрактних понять, що може впливати на свідомість мовців та характер концептуалізації *духовного стану*. У статті також наголошується, що активним процесом в сучасній мові є розширення семантики абстрактних субстантивів і збільшення кількості відвернутих понять, за рахунок чого також може поповнюватися поле *духовного стану* людини. Абстрактність та відверненість розмежовуються автором. Відверненість формується на основі багатозначності, головною ознакою відверненого поняття є розширення семної структури і формування нового семантичного ядра, відмінного від мотивуючої бази. У статті наводяться приклади розширення семантики абстрактними субстантивами.

Ключові слова: абстрактні субстантиви, ізоморфізм моделей, лексичне поле *душевного стану*, метафора

Ilona Zamanova. Isomorphism in nominative models of abstract substantives with state of mind and physical state meaning

In the article, the author studies the isomorphism of nominative models of the fields of *spiritual state* and *physical state*, noting that the isomorphism is manifested at all language levels. The presence of significant number lexemes with the erased inner form that binds the nomination of person *spiritual condition field* with the subjects *physical condition field*, as well as the presence of semantically stable constructions like the *ardor of character*, one of which members is also a sign of a physical object, shows that the phenomenon of this isomorphism was inherent in the language over a long period of historical development. Syntactic derivatives with the meaning of a *spiritual state* are formed from verbs that nominate *physical states* and processes. Isomorphism of *spiritual* and *physical nominative models* is connected with the phenomenon of language economy. According to observations, language, if possible, tends to minimize forms despite to the wealth of meanings; when it comes about *spiritual state nomination*, the speaker chooses the form which describes the material visible world, what is tangible to all people. The premise of that was such a feature of human perception as *synesthesia*. The isomorphism of nominating the *spiritual* and *physical state* greatly contributed to the objectification and personification of abstract concepts, which affects the consciousness of speakers as well as the conceptualization of 'state of mind' nature. The article also notes that the active process in modern language is the expansion of the abstract substances semantics and an increase in the number of concepts with a much more extended abstraction, due to this, the field of a

person's spiritual state can also be replenished. Abstraction and extended abstraction are distinguished by the author. Extended abstraction is formed on the basis of polysemicity, the main feature of the extended abstract concept is the expansion of the semantic structure and the formation of a new semantic core, different from the generating base. The article provides examples of semantic abstraction expanding in the abstract substances.

Keywords: abstract substances, isomorphism of models, state of mind, metaphor

Наиболее востребованными лексическими средствами номинации поля *душевное состояние* являются *абстрактные субстантивы состояния*. Согласно исследованию Кость И. Я., существительные и глаголы характеризуются наибольшей частотой употребления при номинации эмотивного смысла [8, с. 281]. Уникальный характер функционирования в языке абстрактных субстантивов, место их в языковом сознании всегда привлекали внимание лингвистов и философов. Как отмечает Ю. Д. Апресян, «слову, обозначающему эмоцию (или состояние – примеч. автора), почти невозможно дать прямое лексикографическое истолкование» [2, с. 454]. А. Вежицкая также обращает внимание на то, что «эмоции исключительно трудно исследовать (настолько, что до настоящего времени они считались просто не поддающимися научному исследованию)» [6, с. 347]. Большой вклад в изучение данной проблемы внесли Дж. Лакофф, Дж. Локк, Лейбниц, Дж. Лайонз, А. А. Потемня, А. Вежицкая, М. М. Бахтин, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Н. Ю. Шведова и др. Однако многие вопросы по-прежнему остаются открытыми. Например, спорным является вопрос о категориальном значении абстрактных субстантивов. Н. Ю. Шведова полагает, что особый характер предметности как частеречного значения в абстрактных именах по сравнению с конкретными состоит в том, что «эта предметность не опирается ни на какой класс объектов», что сближает абстрактные существительные с глаголами и прилагательными, «значение которых как части речи – признаковость – выводит эти слова за пределы противопоставления "конкретность – абстрактность"» [14, с.106]. Ю. Д. Апресян замечает, что в работах исследователей (напр. у Лакоффа), «отсутствует семантическая мотивация того, почему та или иная метафора ассоциируется с определенной эмоцией», специфичность «симптоматической лексики» не получает никакого объяснения [3, с. 456].

Целью данной статьи ставим выявление типов изоморфизма моделей номинации духовного состояния человека и физического состояния предметов.

Новизна исследования заключается в том, что ранее не проводилось подобных исследований языковых моделей, внимание исследователей было сосредоточено в значительной мере на семасиологическом аспекте репрезентации духовного состояния, в данном исследовании используется ономасиологический подход.

Объектом данного исследования послужили абстрактные субстантивы состояния, выявленные методом сплошной выборки из словаря В. И. Даля, контексты, включающие данные субстантивы, отслеженные на материалах Корпуса русского языка. **Предметом** исследования стали модели номинации, характерные для абстрактных субстантивов состояния.

Изоморфизм, т. е. аналогия двух или более объектов, наблюдающаяся не только в структуре, но и в сфере функционирования, свойственен языку в значительной мере. Изоморфизм в языке служит целям ограничения количества форм, способных выражать богатое содержание знаний о мире. На фонетическом уровне это проявляется в сведении множества звуков к определенному количеству фонем. На лексическом – в увеличении нагрузки формы за счет метонимического (метафорического) ее использования. Как заметил Б. Л. Уорф, «наша метафорическая система, называя непространственные восприятия по образцу пространственных, приписывает звукам, запахам и звуковым ощущениям, чувствам и мыслям такие качества, как цвет, свет, форму, контуры, структуру и движение, свойственные пространственному восприятию» [13, с. 220]. Ю. Д. Апресян ставит вопрос: «Является ли совпадение сочетаемости у слов со значением психологического и физического состояний (т.е. состояний души и тела) случайным, или это проявление какой-то общей закономерности»? [3, с. 460] На наш взгляд, язык «делает» это в целях экономии мыслительной памяти человека и в целях «уравнивания» знаний о мире между слушающим и говорящим, в том числе в рамках коллектива. Язык «может» делать это благодаря синестезии, т. е. способности человека видеть в явлениях разной природы общее, например, мы можем охарактеризовать синий цвет как «холодный», так как все, что имеет синий цвет в природе, – ниже температуры человеческого тела. На наш взгляд, *синестезия* – также явление языкового характера. Синестезия – доказательство того, что воспоминания – номинированные ситуации, возможно, классифицируются мозгом по сходству ощущений. Хотя нам кажется, что количество ситуаций бесконечно, *типов ситуаций* не так уж много. Если во время жары человек испытывает прилив крови к лицу (лицо покраснелось), повышается температура тела, то, когда во время душевного переживания из-за выработки адреналина сосуды сужаются и кровь бросится к лицу, человек будет склонен охарактеризовать это ощущение по аналогии с внешним физическим ощущением жары, отсюда возникнут такие изоморфные модели как «в пылу страсти», «сказал в горячности» и др. Таким образом, синестезия играет не последнюю роль в номинации поля *душевного состояния*. Как замечает

Дж. Лакофф, «пространственные метафоры коренятся в нашем физическом и культурном опыте, а не устанавливаются произвольным образом» [9, с. 42].

Рассмотрим, как проявляется изоморфизм номинативных моделей поля *душевное состояние*.

Реализацией сигнификата ДС, наиболее приближенной к ядерной зоне, являются абстрактные субстантивы с продуктивным суффиксами *-ени/е, -ани/е* (от глагольной основы), *-ость, -ность, -есть, -ств, -овств* (от прилагательных) и др., одинаково функционирующие для обозначения физических и чувственных состояний: *радость – легкость, бессилие – безрыбие, строгость – белковость*, и таким образом демонстрирующие изоморфность моделей на словообразовательном уровне.

На лексическом уровне изоморфность номинативной модели проявляется в процессе переноса восприятий мира осязаемого в сферу чувственного: *жжение в груди, жгучесть взгляда, кривость намека, затуханье чувств, тяжесть положения, кислотность улыбки, увядание сил, загнивание натуры, закоснелость старика, прилипчивость товарища*. Как правило, данные номинации духовного состояния вмещают семы 'жар', 'холод', 'вес', 'вкус' (т. е. семы перцептивных ощущений).

На наш взгляд, можно выделить следующие типы изоморфизма при номинировании *состояния* на лексическом уровне:

1. Осознаваемый метафорический перенос, или прозрачная внутренняя форма: *холодность – горячность, мягкость – твердость, легкость – тяжесть, привязчивость, прилипчивость, открытость* и др. *А. В детстве, как и позже, я был чужд зависти; а мать мою очень любил, несмотря на ее холодность. Г. А. Газданов. Вечер у Клэр [18]. И притом, если он не глуп, то будет уметь скрыть холодность сердца своего под личиною твердости духа. Антоний Погорельский. Двойник, или Мои вечера в Малороссии [18]. Ср.: Холодность стальной реки оживала разноцветными огоньками семафоров. Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней [18]. Б. Нынешние признаки этого «обновления» – лицемерная скользкость, жестокость, ненависть человека к человеку. Н.Н. Шпанов. Ученик чародея [18]. Ср.: Отлогость берега и скользкость почвы неизбежно влекут несчастного к краю бездонной пропасти. М. Селищенский. Из рукописного наследия протоиерея Михаила Селищенского // «Журнал Московской патриархии», 2003 [18].*

2. Неосознаваемый метафорический перенос, или стертая внутренняя форма. Например, такие единицы, как *запальчивость, пыл, завидование, наваждение, кротость, дремучесть, закоснелость, косность, блудливость, зависимость, влечение, стремление,*

томление, жадность, алчность, лукавство, невежество, жестокость, огорчение.

Проанализируем некоторые примеры. В словаре Даля наряду с *зависть* фиксируются лексемы *завидливость, завидость*, происходящие от глагола *завидеть* – «увидать издали, усмотреть (церк. завидовать)» [12, с. 576], а также *заглядчивость* – «свойство заглядчивого», «заглядчивый – охочий заглядывать куда, подсматривать или склонный к тому, чтобы заглядываться, зевака или разиня» [12, с. 585]. Таким образом, мотивирующей базой лексемы *зависть* является глагол *завидовать* с главной семой 'зрение', т. е. *завидовать* – концентрироваться зрительно на какой-то вещи. С течением времени лексема *зависть* оформилась в отвлеченный субстантив со значением «чувство досады, раздражения, вызванное превосходством, успехом, благополучием другого» [11, с. 503], сема 'зрение' становится имплицитной: *Немецкие дороги зарядят вас таким количеством необыкновенных впечатлений, что рассказы по возвращении вызовут черную зависть у друзей. Владимир Гакон. Сказочными дорогами Германии // «Туризм и образование», 2001.03.15 [18].*

Еще один пример – лексема *жестокый*. Уже в словаре Даля фиксируется утрата прямого значения «жесткий – не мягкий»: «жесткий, и встарь то же, ныне употребляется только в переносном значении *немилосердный, немилостивый, безжалостный*». Действительно, в прямом значении субстантив *жесткость* функционирует с выпадением гласного «о», в переносном (которое уже не ощущается как переносное) – чаще используется старая форма. Это говорит о том, что понятие обособилось и утратило связь с мотивирующей базой: *Слева – схема башни. Если ядро придает башне вертикальную жесткость, то за горизонтальную жесткость отвечают аутригерные этажи. Ирина Плыткиевич. Как строится небоскреб Лахта Центр [18]. И потому на первых порах пришлось быть особо бдительными, проявлять крайнюю жестокость. Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок [18].*

В лексеме *влечение* («сильное стремление, непреодолимая склонность к кому-, чему-л.» [11, с. 185]) мотивирующей базой был глагол *влечь, волочь, волокти* – «тащить, тянуть за собой» [12, с. 217]. «Влечь, – замечает Даль, – выражает насилие влекомому». В. Даль определяет *влечение* как «действие по глаголу», но с пометой «более употребительно в переносном значении», в прямом чаще употребляется «волоченье» [12, с. 217]. Здесь также наблюдается постепенное формирование отвлеченного понятия: *Влечение ума рождает уважение, влечение души рождает дружбу. 15 изящных и тонких цитат Алисы Фрейндлих [15]. – Нет, не говорите этого, Марья Дмитриевна, – непреодолимое влечение приковывает меня к здешним местам. И. И. Панаев. Раздел имения [18].*

Значение лексемы *закоснелость, закостенение, закостенелость* фиксируется В. Далем как «свойство закостеневшего» по глаголу «закостенеть» – «окостенеть, обратится в кость или в подобие ее по

твердости». Выделяется и переносное значение «прийти в бессознательное состояние» [12, с. 608]. Сема 'кость' актуализируется в контекстах с глаголом, но утрачена в современном отвлеченном субстантиве: *Победа не решалась никак; может быть, немецкая настойчивость и преодолела бы упрямство и закоснелость обломовцев, но немец встретил затруднения на своей собственной стороне. И.А. Гончаров. Обломов. Ср.: Отец был глубокий старик. У него почти не осталось волос; лоб закоснел. Сергей Бабан, Ротмистр Неженцев [18].*

Пласт подобной лексики обширен, и список можно долго продолжать: «блудливость» от «заблудиться, потерять дорогу», «жадность» от «жаждать» (сильно хотеть), «лукавость» от «быть согнутым, кривым» и т. д. Даже если мы имеем дело с явным отсубстантивным или отадъективным образованием, история языка показывает, что в большинстве случаев эти формы были образованы от глагольной основы, связанной с физическим состоянием, а затем переосмыслились. Так, субстантив *свирепость* мотивируется прилагательным *свирепый*, которое также мотивирует и глагол *свирепствовать*. Согласно исследованию А. Гильфердинга, «свирепый – есть слово производное, первообразное слово сохранилось в литовском языке, именно *suigas* – дрожь, содрогание (= скр. *hvr*), *saigus* – производящий дрожь <...>, *saigus wiejias* – северный ветер, *sauris* – север» [7, с. 188]. То есть можно утверждать, что глагольное действие («производить дрожь», «дрожать») в семантике прилагательного присутствует. Возможно, этот же корень произвел субстантив «суровость» посредством звена «суровый». *Страх* Гильфердинг возводит к санскритскому *tras* – *трясти* [7, с.180], *веселый (веселость)* к *vas* – *любить* [7, с.41], *благ (благость)* к *barh* – *возвышаться* [7, с.191], *свят (святость)* – к *svinta*, *sventa* – *сияющий или очищающий* [7, с.148]. *Тягость* мотивирована *тяготеть* (речь о физической силе), хотя это и неочевидно. «Тягота, тягость – все, что тяготее к чему или на чем, но более в переносном значении», – объясняет В. Даль [12, с. 466].

Это свидетельство того, что изоморфизм при номинации поля *состояния* наблюдался на протяжении длительного периода развития языка и был основным принципом его номинации.

На синтаксическом уровне наблюдается изоморфизм моделей номинации в следующих вариантах:

1. В форме устойчивых и неустойчивых мифологем и персонафикаций отвлеченных субстантивов состояния для номинирования модели субъект+действие: Тоска заела. Стало быть, верно мне сердце подсказывало. Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт [18]. На меня напала апатия – полное

ко всему равнодушие. Н. Цуриков. Дети эмиграции (1925)[18].

2. В форме предикативных единиц полностью абстрактной семантики, получивших статус номинативных (не только для номинации поля ДС), номинирующих модель признак чего, реже – другие модели: *холодность сердца, холодность ума, холодность рассудка, холодность приветствия, холодность взгляда; жестокость характера, жестокость системы, поступка, борьбы; упрямство нрава, легкость духа, характера и т.д.*

Возможны и окказиональные употребления: *Ничего не оставалось, как только признать однообразие жестокости и жестокость однообразия. Ю. Давыдов. Синие тюльпаны [18].*

Данное явление, на наш взгляд, также свидетельствует о длительном историческом периоде языковой практики, когда духовная сфера описывалась путем аналогий с материальным миром.

3. Абстрактные субстантивы состояния часто выступают в роли главного члена сочетаний согласовательного типа, также как и конкретные субстантивы, имеющие реальные признаки формы, цвета, качества. Такая сочетаемость имеет, как правило, семантически устойчивый характер: *беспросветная убийственная тоска, наивысшая радость, черная зависть, светлая грусть.*

Хотелось бы сделать акцент на том, что многие субстантивы в современном русском языке (в сравнении с XIX в.) изменили семантический характер. Так, *довольство* в словаре Даля определяется как «достаток, зажиточность, избыток; продовольствие, содержание, харчи от правительства, хозяина», в МАС фиксируется новое значение: «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения». «Материальный достаток, зажиточность» выделено в качестве второго значения [11, с. 414]. Увеличивается количество отвлеченных понятий. *Отвлеченность* понимается нами, как «отпочкование» абстрактной единицы от производящей семантической базы, обусловленное расширением ее семной структуры в ходе постижения Универсума языковым коллективом. Как писал Л. С. Выготский, «абстракция и обобщение мысли отличны от абстракции и обобщения вещей. Это не дальнейшее движение в том же направлении и не его завершение, а переход в новый и высший план мысли» [14, с. 82].

Приведем пример расширения семантики отвлеченности в лексеме *индивидуальность*.

Значение *индивидуальность* В. Даль трактует как «состояние и принадлежность личного и частного» [12, с. 42], МАС как «1. Совокупность характерных, своеобразных черт, отличающих какого-либо человека от другого. 2. Человек как носитель личных, характерных для него признаков, свойств, личность» [11]. Очевидно, что семантическое наполнение лексемы, зафиксированное в МАС, – шире, нагрузка аффикса *-ость* увеличилась. Анализ функционирования лексемы *индивидуальность* в современном дискурсе позволяет утверждать, что

данное понятие стало вмещать сему 'состояние души'. Под индивидуальностью стали понимать личность, которая в силу своих внутренних качеств не хочет или не может быть похожей на основную массу. Если ранее *личность* мыслила себя в коллективе, то в настоящее время общество стремится стать совокупностью индивидуальностей. *Но пиротехника в эпизодике Юра изобразил блестяще, приоткрыв киношникам индивидуальность, недостающую большому отечественному экрану. И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий [18]. Индивидуальность – это единственный бренд, который никогда не выйдет из моды [16]. Индивидуальность – особое состояние души, это особый склад, который отличает женщин друг от друга [17].*

Исследуя изоморфизм номинации *физического состояния* и *духовного состояния*, мы пришли к выводу о том, что он является основным приемом номинации поля духовного состояния человека. Проявлением объективации безденотатных, безреферентных понятий является их реализация *в форме осознаваемой метафоры, неосознаваемой метафоры, в форме персонификации, в форме метафоризированных фразеологизмов, имеющих, как правило, структуру «признак чего», в форме словосочетаний согласовательного типа.*

На наш взгляд (сходные положения выдвигались в рамках теории бихейвиоризма), данный характер номинации в значительной мере способствует объективации и персонификации абстрактных понятий, является отправной точкой концептуализации ментальной лексики. Наличие количественных параметров состояния в языковом сознании, которые проанализированы в работе Ю. Д. Апресяна «Образ человека по данным языка» [2, с. 379], можно связать с историей моделей изоморфизма духовного и физического состояний.

В современной лингвистике все чаще звучат указания на такую сторону «славянского мышления», как пассивность: С. Л. Попов при исследовании конструкции «У меня есть что» указывает на проявление в ней пассивности субъекта, «то, что у меня нет собственности, зависит не от меня, а от обстоятельств, которыми я скован и изменить которые я не в силах» [10, с. 118]. В статье С. Л. Попова приводятся указания на схожие мнения И. И. Мещанинова, например, о проявлении в языке восприятия человеком природы как неприступной силы [10, с. 117]. А. Вежбицкая в работе «Русский

язык» приводит многочисленные цитаты философов и писателей о чертах пассивности и фатализма в русском менталитете, далее на языковом материале она показывает, как отражаются эти черты в языке [5, с. 37]. На наш взгляд, данное языковое явление – результат истории развития сознания народа, отражение культурного опыта в языке – также способно влиять на структурирование сознания «здесь и сейчас познающей» языковой личности. Так, например, языковой опыт номинации душевного состояния в форме персонификации определенного состояния, который является, по замечанию Дж. Лакоффа, наиболее частым случаем онтологической метафоры и «позволяет осмыслить наш опыт взаимодействия с неживыми сущностями в терминах человеческих мотиваций» [9, с. 59], передаваясь поколениям, может определять осознание человека в качестве пациента в структуре, где неживая сущность является агенсом. Как замечает Н. Д. Арутюнова, названия преходящих психических состояний «имеют тенденцию к отрыву от глагольного значения и часто функционируют как имена актантов <...> Говоря о психике, мы склонны экстерниоризировать ее составляющие <...> не только как нечто отдельное от нас, но как нечто, вступающее с нашим «я» в определенные, дружеские или враждебные, отношения» [4, с. 386]. В. И. Абаев отмечает, что «все вещи вокруг осознаются и оцениваются с точки зрения интересов коллектива» [1, с. 241]; язык, номинируя сферу духовности, предлагает носителю языка определенную «готовую» модель познания, что важно для коллектива, точнее для синхронизации знаний и представлений о том, что не поддается непосредственному физическому восприятию. С этой точки зрения, изоморфизм номинативных моделей духовного и физического состояний как продукт коллективного опыта может оказывать влияние на концептуализацию духовного состояния каждой конкретной личности.

Тенденция к расширению семантики абстрактными субстантивами говорит о том, что языковая картина мира продолжает «надстраиваться» в сфере нематериального познания, аналитические способности современного сознания развиваются. Природа *абстрактных субстантивов состояния* обладает особым свойством – подвижной стратификацией сем ядра, которая, по нашему мнению, может зависеть от таких экстралингвистических факторов, как политико-экономическая ситуация в стране, глобализация, развитие образования и науки.

Литература

1. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка // Ленинизм и проблемы языкознания. М.: Наука, 1970. С. 232-262.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка. Попытка системного описания // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348-388.
3. Апресян Ю. Д. Системная лексикография. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 453-465.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

5. Вежбицкая А. Русский язык / Перевод Г.Е. Крейдлина // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33-89.
 6. Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов / Перевод О. Н. Ляшевской // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 326-376.
 7. Гильфердинг А. О сродстве языка славянского с санскритским / А. Гильфердинг. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1853 г. 294 с.
 8. Кость И. Я. Механизмы вербализации эмоционального состояния человека в украинском прозаическом тексте // Ученые записки Таврического национального университета. Т. 24. №4. Симферополь, 2011. С. 279-284.
 9. Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
 10. Попов С. Л. Конструкция У кого есть кто/что как эргативный рудимент русской грамматики: когнитивно-эволюционная интерпретация семантики // Вестник Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Серия «Филология». Вып. 83. 2019. С. 114 – 121.
 11. Словарь русского языка / под ред. М.С. Шевелевой : В 4 т. М.: Изд-во Русский язык, 1985. 736 с.
 12. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. В.И. Даля: В 4 т. М. : Изд-во Русский язык, 1989. 779 с.
 13. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Изд-во Просвещение, 1960. С. 198-225.
 14. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 400 с.
- Интернет-ресурсы*
15. <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/15-izyaschnyh-i-tonkih-citat-alisy-frejdnlh-967560>
 16. <http://www.galya.ru>
 17. <http://www.korolevaesd/topic/66987476462394>
 18. <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>

References

1. Abaev V. I. Reflection of the consciousness work in the lexical-semantic system of language // *Leninism and problems of linguistics*. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 232-262.
 2. Apresyan Yu. D. The Image of a person according to the language data. Attempt at a system description // *Selected works, volume II. Integral description of the language and system lexicography*, Moscow: school of Languages of Russian culture, 1995, Pp. 348-388.
 3. Apresyan Yu. D. System lexicography. Metaphor in the semantic representation of emotions // *Selected works, vol. Integral description of the language and system lexicography*, Moscow: school of Languages of Russian culture, 1995, Pp. 453-465.
 4. Arutyunova N. D. Language and the world of man. 2nd ed. Moscow: Languages of Russian culture, 1999, 896 p.
 5. Vezhbitskaya A. Russian language / Translation by G. E. Kreidlin // *Language. Culture. Cognition*, Moscow: Russian dictionaries, 1996, Pp. 33-89.
 6. Vezhbitskaya A. Interpretation of emotional concepts / Translation by O. N. Lyashevskaya // *Language. Culture. Cognition*, Moscow: Russian dictionaries, 1996, Pp. 326-376.
 7. Gilferding A. On the affinity of the Slavic language with Sanskrit / A. Gilferding. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1853-294 p.
 8. Kost I. Ya. Mechanisms of verbalization of the emotional state of a person in the Ukrainian prose text // *Scientific notes of the Tauride national University*, Vol. 24, no. 4, Simferopol, 2011, Pp. 279-284.
 9. Lakoff George, Johnson Mark. *Metaphors we live by*. Moscow: editorial URSS, 2004, 256 p.
 10. Popov S. L. The Construction Who has whom/what as an ergative rudiment of Russian grammar: cognitive-evolutionary interpretation of semantics / *The Journal of V. N. Karazin Kharkiv National University. Series "Philology"*. Vol. 83. 2019. Pp. 114-121.
 11. Russian dictionary / ed. by M. S. Sheveleva: In 4 vol. M.: Russian language Publishing house, 1985. 736 PP.
 12. Explanatory dictionary of Russian language / ed. V. I. Dal: In 4 vols. M.: Russian language Publishing house, 1989. 779 PP.
 13. Whorf B. The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language // *History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. M.: Prosveshchenie Publishing house, 1960. Pp. 198-225.
 14. Cherneyko L.O. Lingual-philosophical analysis of an abstract name. M.: MSU Publishing house, 1997. 400 PP.
- Internet sources*
15. <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/15-izyaschnyh-i-tonkih-citat-alisy-frejdnlh-967560>
 16. <http://www.galya.ru>
 17. <http://www.korolevaesd/topic/66987476462394>
 18. <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html>

Заманова Ілона Володимирівна, магістр, іноземний фахівець факультету російської мови, Інститут іноземних мов, Чженчжоуський педагогічний університет (вулиця Інцай, 6, м. Чженчжоу, пров. Хенань, Китай, 450044); e-mail: lizhecu@163.com

Ilona Zamanova, master's degree, foreign specialist in the Russian Language Department of School of Foreign Languages, Zhengzhou Normal University (No.6, Yingcai street, Zhengzhou, Henan Prov., China, 450044); e-mail: lizhecu@163.com